

АБИССИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПАВЛА БУЛЫГИНА В ЖУРНАЛЕ «РУБЕЖ» (Харбин, 1935–1936)

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, сектор литературоведения Института филологии СО РАН, Новосибирск, Россия, kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация. Статья посвящена абиссинским стихотворениям Павла Булыгина – поэта и прозаика, покинувшего Россию после революции, опубликованным в харбинском еженедельнике «Рубеж» (1935–1936). Анализируются экзотические мотивы в творчестве поэта, для которого вслед за Гумилевым Африка стала «путеводной звездой»: Абиссинии посвящен сборник стихов Булыгина «Чужие звезды» – название цикла явно отсылает к «Чужому небу» Гумилева. Особое внимание в работе уделяется майскому выпуску «Рубежа» (1936), где было напечатано пять стихотворений Булыгина из цикла «Чужие звезды» под общим заголовком «Стихи об Абиссинии». Данные тексты рассматриваются как микроцикл, объединенный тематически: описывается поэтический bestiary Булыгина, во многом ориентированный на гумилевский; отмечается литературная природа тяги поэта к африканским путешествиям не только через лирику Гумилева, но и через приключенческие романы Фенимора Купера и Джека Лондона; указывается на использование поэтом приема «воображаемого» экфрасиса, когда вместо реально существующей картины воссоздается своя – поэтическая и одновременно как будто живописная. Кроме публикации в майском выпуске «Рубежа» 1936 г., представлены произведения Булыгина, напечатанные в харбинском еженедельнике в 1935 г. («Соу Джин» («Человек-Гиена»), «Русский в Абиссинии», «С нагретого красного камня...»). Погружение в африканский топос, согретый для Булыгина поэзией и путешествиями Гумилева, помогает поэту-эмигранту спастись от одиночества, тоски и ностальгии.

Ключевые слова: восточная эмиграция, экзотические мотивы, Африка, Абиссиния, еженедельник «Рубеж», Харбин, реминисценции, Николай Гумилев, Павел Булыгин

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Для цитирования: Куликова Е.Ю. Абиссинские стихотворения Павла Булыгина в журнале «Рубеж» (Харбин, 1935–1936) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 185–191. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-185-191>

Research Article

PAVEL BULYGIN'S ABYSSINIAN POEMS IN THE MAGAZINE "RUBEZH" (BORDER) (Harbin, 1935–1936)

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Philological Sciences, Literary criticism Sector of the Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia, kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract. The article is devoted to the Abyssinian poems by Pavel Bulygin, a poet and a prose writer who left Russia after the revolution, whose poems were published in Harbin weekly "Rubezh" (Border) (1935–1936). Exotic motives are analysed in the poet's work, for whom, following Nikolay Gumilyov, Africa became a "guiding star": Bulygin's collection of poems "Alien Stars" is dedicated to Abyssinia – the name of the cycle clearly refers to Gumilyov's "Alien Sky". Special attention is paid to the May issue of "Rubezh" (1936), where Bulygin's five poems from the cycle "Alien Stars" were published under the general title "The poems about Abyssinia". These texts are considered as a microcycle, united thematically – Bulygin's poetic bestiary is described, focused on Gumilyov in many respects; the literary nature of the poet's affection to African travels is noted not only through Gumilyov's lyrics, but also through James Fenimore Cooper and Jack London's adventure novels; it is pointed out that the poet uses the technique of "imaginary" ekphrasis, when instead of a really existing picture, his own one is recreated – poetic and as if picturesque at the same time. In addition to the publication in the May issue of "Rubezh" in 1936, there are Bulygin's works, published in Harbin weekly in 1935 ("Saw Gin" ("Hyena-Man"), "Russian in Abyssinia", "From a heated red stone..."). Immersion in African topos, warmed for Bulygin by Gumilyov's poetry and travels, helps the emigrant poet escape from loneliness, anguish and nostalgia.

Keywords: Oriental emigration, exotic motifs, Africa, Abyssinia, "Rubezh" (Border) weekly, Harbin, reminiscences, Nikolay Gumilyov, Pavel Bulygin

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation grant № 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer"

For quotation: Kulikova E.Yu. Pavel Bulygin's Abyssinian poems in the magazine "Rubezh" (Border) (Harbin, 1935–1936). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 185–191 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-185-191>

Поэт Павел Булыгин, ныне незаслуженно забытый, покинул Россию после революции и расследовал дело об убийстве императорской семьи, чему посвящена его работа «Убийство Романовых. Достоверный отчет». С Китаем Булыгин был связан достаточно косвенно: через Владивосток, Харбин и Белград он добрался до Парижа, где вместе со следователем Н.А. Соколовым продолжал свое расследование — после разгрома армии А.В. Колчака материалы следствия удалось вывезти во Францию. Однако в еженедельнике «Рубеж», выходившем в Харбине в 1926–1945 гг., публиковались его абиссинские стихи, поэтому местным эмигрантам Булыгин был хорошо знаком.

О «Рубеж» есть немало работ и исследований. Е.О. Кириллова пишет, например, что «этот литературно-художественный журнал призван был снабжать читающую по-русски аудиторию зарубежного Дальнего Востока не только художественными произведениями, но и свежими новостями» [Кириллова: 7]. «Рубеж» «появился благодаря стараниям крупнейшего на Дальнем Востоке издателя-эмигранта Е.С. Кауфмана, который, по его собственным словам, преследовал цель сохранения русской культуры в эмигрантском сообществе» [Дмитриев]. Еженедельник «был единственным крупным в мировом масштабе эмигрантским изданием типа “Иллюстрированной России”, выходившим во время второй мировой войны, несмотря на оккупацию

японцами» [Чернов]. «Вниманию читателя, — пишет И.Е. Дмитриев, — предлагались художественные произведения популярных писателей и авторов журнала, новости со всего мира (в том числе из СССР), анекдоты и сатирические заметки, часто высмеивающие советскую жизнь» [Дмитриев].

И в 1935–1936 гг. в «Рубеж» вышла целая серия абиссинских стихотворений Павла Булыгина.

Павел Булыгин — офицер Русской императорской армии, после февральской революции изгнанный из полка как «контрреволюционер» и «монархист». Был контужен, ранен в Ледяном походе Корниловской армии. Вылечившись в госпитале, Булыгин набрал группу офицеров Петроградского и других Гвардейских полков, чтобы освободить Николая II из плена. Но в июле 1918 г. его арестовали, а через десять дней он бежал. Булыгин снова пытался организовать спасение царя, не зная еще, что тот был убит во время его заключения.

В конце 1918 г. Булыгина отправила с посланием к английской королеве Александре вдовствующая императрица Мария Федоровна: в послании содержалась просьба помочь с расследованием обстоятельств убийства царской семьи. В 1921–1922 гг. Булыгин жил в Берлине, некоторое время — в Риге и Каунасе, с 1924 по 1934 гг. — в Аддис-Абебе. В январе 1934 г. переехал в Прибалтику, где близ Риги жила мать его жены — художницы Агаты Шишко-Богуш. В том же году Булыгин получил приглашение старообрядческой общины Литвы

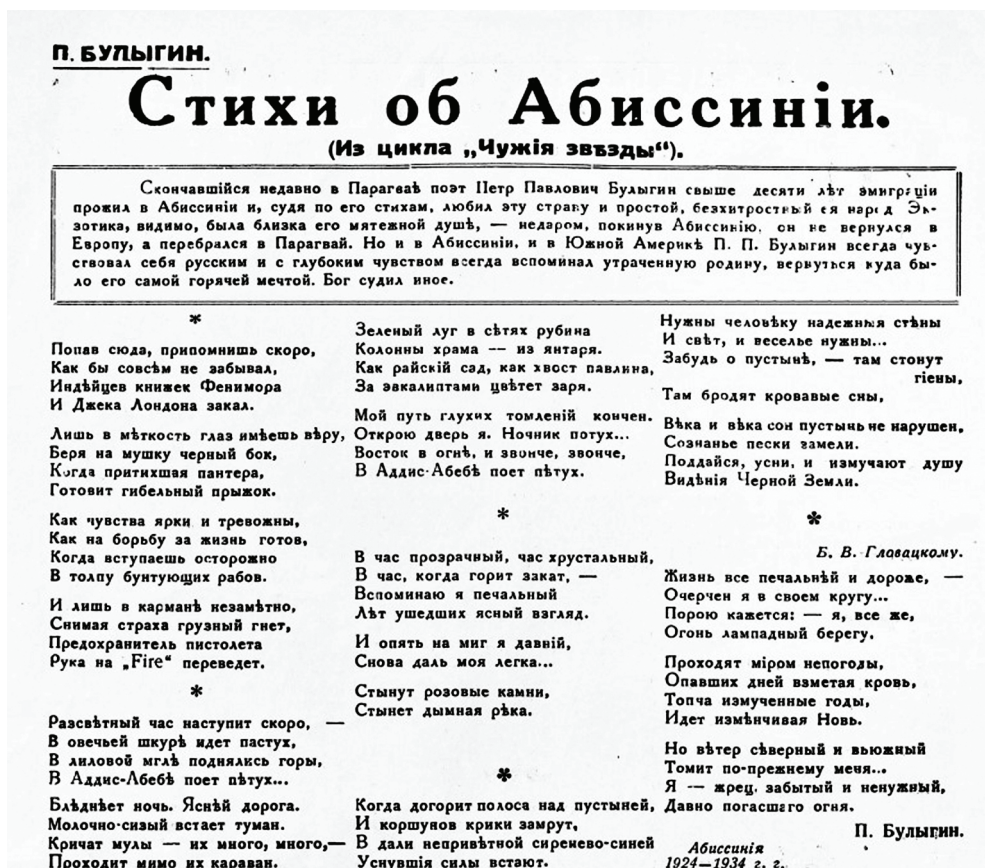

Рис. Стихотворения Павла Булыгина в журнале «Рубеж»

образовать поселение в Парагвае у слияния рек Парана и Парагвай, что и было им осуществлено. Умер Булыгин в Асунсьоне 17 февраля 1936 г. в день военного переворота, возглавляемого полковником Рафаэлем Франко.

В 1930 г. на проходившем в Варшаве конкурсе зарубежных поэтов и писателей первой премии была удостоена его поэма «Пороша», написанная онегинской строфой и посвященная Бунину. В 1937 г. в Риге его жена издала на свои средства сборник стихов – «Янтари».

В России в 1998 г. по инициативе внучатой племянницы Булыгина Т.С. Максимовой был издан сборник «Пыль чужих дорог», в 2009 г. – более полное собрание стихов, рассказов и публицистики под тем же названием. В 2010 г. – рассказы «Страницы ушедшего», в 2014 г. – книга об убийстве императорской семьи¹.

Жизнь Павла Булыгина «напоминала сказку, занимательный роман, повесть о днях беспокойного сердца, рассказ о человеке, не желавшем покоя, всегда стремившемся в неизвестную даль» [Пильский: 8], – отмечал в предисловии к книге «Янтари» известный в русской эмиграции критик Петр Пильский.

В 1935–1936 гг. стихи об Абиссинии Булыгина печатались в харбинском еженедельнике «Рубеж». Экзотическая тема вела поэта вслед за Гумилевым, Африка Гумилева стала своего рода его «путеводной звездой»: Абиссинии посвящен сборник стихов Булыгина «Чужие звезды», что дает прямую отсылку к «Чужому небу» Гумилева. Но не только именно на эту поэтическую книгу ориентирован Булыгин, как можно судить по заголовку, но и на «Шатер», и на многие экзотические стихотворения, баллады и новеллы Гумилева разных лет. В стихотворении «Красное море» из сборника «Шатер» Гумилев подчеркивает эту необычность, непривычность нового мира: «Нам чужие созвездья, кресты, топоры / Над тобой загорятся в небесных садах» [Гумилев: 283]. И эти «чужие созвездья» Булыгин приносит в свою лирику.

Гумилев был любим Булыгиным и за творчество, и за судьбу – такую показательную после революции. Булыгина «всегда тянуло к необычному, его звали дальние страны, экзотические миры, необычайная обстановка» [Пильский: 8].

В майском выпуске «Рубежа» 1936 г. напечатано пять стихотворений Булыгина из цикла «Чужие звезды» под общим заголовком «Стихи об Абиссинии»: «Попав сюда, припомнишь скоро...», «Рассветный час наступит скоро...», «В час прозрачный, час хрустальный...», «Когда догорит полоса над пустыней...» и «Жизнь все печальней и дороже...». Стихотворения микроцикла связаны между собой даже тематически – первые строки текстов как будто объединены общим посылом: новый, неизведанный мир, в котором осознается особенно остро космическая сущность огромного континен-

та и то, что человек является всего лишь песчинкой в этом чудесном, но и немного пугающем топосе.

Ностальгические нотки пронизывают эти тексты, но интерес к чужому пространству преобладает. Булыгин, как и Гумилев, увлечен открытием Африки, и это увлечение в первую очередь литературное. Фенимор Купер и Джек Лондон вытекают из воспоминаний поэта, мужество и преодоление препятствий персонажей американских писателей переходят к лирическому герою Булыгина. Смелость в душе рождается из чтения книг, и страницы приключенческих романов оказываются вписанными в осмысляемое поэтом абиссинское пространство:

Лишь в меткость глаз имеешь веру,
Беря на мушку черный бок,
Когда притихшая пантера
Готовит гибельный прыжок.

Как чувства ярки и тревожны,
Как на борьбу за жизнь готов,
Когда вступаешь осторожно
В толпу бунтующих рабов² [Булыгин 1936: 6].

Гумилевские строки о львах из стихотворения «У камина» (цикл «Чужое небо») «Мы стреляли в них, целясь между глаз» [Гумилев: 178] отзываются в описании подчеркнуто длительного прыжка пантеры (на целых два стиха!). И невероятное обострение чувств возникает именно на границе жизни и смерти, толкает лирического героя в мир опасностей и первобытных страхов. Готовность победить «бунтующих рабов», застрелить бросившуюся на тебя пантеру – черты, за которые Булыгин восхищался Гумилевым и ценил его «сильную» поэзию.

В стихотворении «Рассветный час наступит скоро...» Булыгин рисует раннее утро в Аддис-Абебе, природу, расписанную самыми удивительными красками. Лиловая мгла гор и молочно-сизый туман становятся поистине фантастическим фоном для рождения дня на этой таинственной земле:

Зеленый луч в сетях рубина.
Колонны храма – из янтара.
Как райский сад, как хвост павлина,
За эвкалиптами цветет заря... [Булыгин 1936: 6]

Рассвет окрашивает город и его окрестности в разные цвета, их переливы рожают сложные сочетания, напоминающие райские картины. Булыгин видит Абиссинию первозданным миром, в котором заря распускается хвостом павлина, когда ночь снимает свое покрывало, и Аддис-Абеба оказывается освещенной зелеными и янтарными оттенками.

В стихотворении «Сахара» Гумилев тоже представляет воображаемый экфрасис, описывая картину пустыни, созданную Богом:

Живописец небесный осенней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстиляет лиловые тени [Гумилев: 287].

«Лиловая мгла» гор у Булыгина перекликается с «лиловыми тенями» на песках гумилевской Са-

хары. Вообще, описания «Абиссинских стихотворений» во многом ориентированы на образы и мотивы «Шатра», Африка Булыгина как будто вырастает из Африки Гумилева.

Поющий петух в первой и последней строфах стихотворения Булыгина становится символом рождения нового мира, знаком света и огненного Востока. В «Шатре» Гумилев не раз упоминал «пылающую» Африку, «луговые пожары» [Гумилев: 292]: «облеченная в пламя и дымы» [Гумилев: 281], «лопнет налитый огнем известняк» [Гумилев: 287], «и невиданным зверем багровым / на равнинах шевелится пламя» [Гумилев: 292], «знойное солнце пылает» [Гумилев: 295] и т. д.

Но если для Гумилева Африка соединяет в себе огненные и морские мотивы³, то Абиссиния Булыгина, с одной стороны, туманная, лиловая, переливающаяся разными оттенками, необыкновенно яркими и практически жгучими («В золоте кряж Мангаши» [Булыгин 2009: 236]; «Рыжие коршуны вились высоко» [Булыгин 2009: 236]; «Закат горит... Блестят костры» [Булыгин 2009: 236]; «Лесной задымился костер» [Булыгин 2009: 239] и др.), с другой – словно подернутая мягкой пеленой, из-за которой цвета перестают быть сияющими и матово тускнеют: «Побелила луна / Ущелья отвесные стены» [Булыгин 2009: 235]; «Плывет волна молочного тумана» [Булыгин 2009: 234]; «Стынут розовые камни, / Стынет дымная река» [Булыгин 1936: 6] и т. д.

И поэтому третье абиссинское стихотворение, опубликованное в «Рубеже», продолжает колористические игры Булыгина с африканским пространством. В данном тексте описывается закат (в противоположность рассвету предыдущего стихотворения), но закат тихий, с мягкими переливами цвета, скорее импрессионистический, чем гогеновский. Поэт видит не яркий обжигающий свет, а прозрачность и хрустальность воздуха (почти как в осеннем мире Тютчева), легкую даль, скрывающуюся за дымкой прошлого, и землю, окрашенную не в алые цвета, а в нежный розовый – сквозь мягкую дымку реки:

В час прозрачный, час хрустальный,
Час, когда горит закат, –
Вспоминаю я печальный
Лет ушедших ясный взгляд.

И опять на миг я давний... [Булыгин 1936: 6]

«Когда догорит полоса над пустыней...» – следующее стихотворение, продолжающее тему африканского заката. Сочетание огня (через яркую метафору «горящей полосы») и оттенков сиренево-синего показывает многогранность абиссинского мира. В этом мире сочетается мечта о доме («Нужны человеку надежные стены») и об открытом пространстве, которое воплощает пустыня, наполненная «кровавыми снами». Двойственность чуждого и вместе с тем такого притягательного мира в лирике Булыгина отсылает к диадам Тют-

чева, описывающего землю и жуткой мертвенной («обгорелой»), и цветущей и напоенной счастьем («В бездонном небе звездный сонм горит... / Соседний ключ слышнее говорит» [Тютчев: 158]):

Века и века сон Пустынь не нарушен.

Сознанье – пески замели.

Поддайся, усни – и измучают душу

Видения Черной Земли [Булыгин 1936: 6].

В «видениях Черной Земли» у Булыгина проступают знаменитые строки из «Безумия» Тютчева:

Там, где с Землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет...

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами

Чего-то ищет в облаках... [Тютчев: 120].

Некая личностность, персонализация образа тютчевского Безумия в тексте Булыгина полностью снимается: сквозь космический сон Пустыни проступают видения «обгорелой», «черной» земли, но это больше напоминает сон огромного материка, скрывающего в себе тайны Вселенной. Пустыня у Булыгина открывается читателю не просто как экзотический пейзаж, а как некое надмирное пространство, как новая планета, где человек становится частью космоса.

Эти образы близки тютчевским стихийным силам, когда окружающий мир воспринимается живым и дышащим, подобно океану: «Над спящим градом, как в вершинах леса, / Проснулся чудный, еженочный гул... / Откуда он, сей гул непостижимый?.. / Иль смертных дум, освобожденных сном, / Мир бестелесный, слышный, но незримый, / Теперь роится в Хаосе ночном?» [Тютчев: 158]. «Лирические пейзажи Тютчева, его чувство всеобщей одушевленности, – пишет Ю.Н. Чумаков, – неопровержимо свидетельствуют, что поэт не проводил отчетливой границы между так называемым субъективным и объективным» [Чумаков: 366]. И как в «Безумии» Тютчева смешиваются стихии, и аллегорическая фигура (которая не является лирическим «я») теряет свое субъективное начало, так и у Булыгина в финале исчезают черты персонализации, и бытие открывается через вековой сон пустынь, перетекающих в человека: «Поддайся, усни – и измучают душу / Видения Черной Земли» [Булыгин 1936: 6], а сам человек растворяется в этом сне Вселенной.

«Когда догорит полоса над пустыней» – в то же время очень «гумилевское» стихотворение – о зыблущихся песках, засыпающих сознание. Кажется, будто личность человека растворяется в этом огромном мире и теряет свою индивидуальность, свои конкретные черты, становясь частицей бесконечных зыбей. Такой вариант Апокалипсиса описан в «Сахаре» Гумилева:

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара [Гумилев: 289].

Последнее стихотворение Булыгина из данной подборки «Жизнь все печальней и дороже...» выглядит ретроспективным взглядом из глубин Африки на «северное» прошлое поэта. Привычный образ огня преобразуется здесь в огонь лампы, освещающий путь странника, революция и Гражданская война относятся Булыгиным к природным катаклизмам («Проходят миром непогоды, / Опавших дней взметая кровь» [Булыгин 1936: 6]), а бытие обновляется – но не для поэта, душой оставшегося в потерянном мире («Но ветер северный и вьюжный / Томит по-прежнему меня» [Булыгин 1936: 6]). Находясь на просторах удивительной Африки, Булыгин чувствует себя одиноким и потерявшим смысл жизни:

Я – жрец, забытый и ненужный,
Давно погасшего огня [Булыгин 1936: 6].

Вероятно, посылая эти пять стихотворений в харбинский «Рубеж», поэт думал и о своих «китайских» соотечественниках, оставшихся без родины, и обо всех скитальцах, вынужденных покинуть Россию после революции или Гражданской войны. Это был его «африканский» привет городу, через который он покинул прежде родной и любимый мир.

Отдельно хочется упомянуть стихотворение «Соу Джин» («Человек-Гиена»), напечатанное в 46-м номере «Рубежа» за 1935 г., потому что образ гиен – один из важнейших в абиссинском бестиарии Булыгина. У Булыгина есть почти параллельный этому тексту, со схожим сюжетом, рассказ «Соу Джин» (*Очерк из абиссинской жизни*), где также идет речь о человеке-гиене – странном существе, о котором поведал герою-повествователю его местный слуга. Рассказ вышел в Риге в 1925 г. Соу Джин, пишет Булыгин, «днем работает в поле, как все, но лишь стемнеет... крадется чащей голый, черный, старый человек на четвереньках. Теперь он – гиена, он повторяет все ее ухватки и уха-ет, подражая ей... человек становится зверем, злее и отважнее зверя» [Булыгин 2010: 31]:

Если, встретив ребенка, похвалит его,
Саблю воина тронет рукою,
Заболает дитя ни с того ни с сего,
И гурада покроется ржою... [Булыгин 2009: 238]

Когда рассказчик встречается с Соу Джином, он описывает его глаза так: «темнота глянула оттуда,

темнота черных веков грозной пустыни» [Булыгин 2010: 33]⁴.

Ритм стихотворения Булыгина (чередование 4-стопного и 3-стопного анапеста) адресует читателя к текстам Гумилева, часто использующего в «Шатре» анапест вообще, а именно такое чередование – в «Сахаре», «Галле», «Сомалийском полуострове» (в последнем, правда, рифмовка смежная, а не перекрестная). Финал тоже сделан в духе гумилевских концовок, например «Абиссинии» (характерно упоминание леопарда в стихотворении о «гиене»):

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга
[Гумилев: 295].

Как ни грозен в лесу леопард-господин,
Как ни страшны тюремные стены,
В каждом округе есть свой, наверно, один
Или два человека-гиены

[Булыгин 2009: 238].

Леопард встречается в «Чужих звёздах» Булыгина неоднократно. В стихотворении «Вечерами я с трубкой сижу у ворот» («Рубеж», 1935, № 12) упомянут «Леопард Господин» – элемент гумилевского бестиария в творчестве Булыгина: «Леопард лишь хозяин один / Потемневшей туманной равнины» [Булыгин 2009: 251].

Гиен можно встретить и в других абиссинских текстах Булыгина, опубликованных в «Рубеже»: например, в уже рассмотренном нами стихотворении «Когда догорит полоса над пустыней...» упоминаются гиены («Там стонут гиены, там бродят кровавые сны» [Булыгин 1936: 6]). Пустыня становится таинственным местом, в котором живут мистические существа. Пустыня, по мнению Булыгина, «край гиен».

Экзотический мир поэт описывает, однако, не только как необычный, странный и чуждый, но и как будто приближает его к себе, «одомашнивает», открывает его мягкий и спокойный быт – на фоне лиловых гор и пронзительных рассветов/закатов. И в этом мире абиссинский бестиарий открывается иначе: чудные звери становятся обыденными животными, присущими африканскому пространству:

С нагретого красного камня
Блеснула мне взглядом змея...

... И снова, знакомый, но странный,
Дрему опрокинувший вмиг,
Попавшей в капкан обезьяны,
Далекий придушенный крик [Булыгин 2009: 239].

«Обезьяний сюжет»⁵ характерен для новелл и стихотворений Булыгина. Обезьяны для поэта – привычные и, пожалуй, близкие существа, которые, будучи дикими, могут вредить человеку, а могут выступать и в роли домашних любимцев. В стихотворении «С нагретого красного камня...», опубликованном в 4-м номере еженедельника «Ру-

беж» в 1935 г., обезьяны напоминают кроликов, которые попадают в капканы в русских лесах. Но сам абиссинский быт заставляет видеть Булыгина мир животных иначе, чем в России. Обезьяны, слоны и змеи – привычные обитатели Африки, к ним привыкает и автор «Чужих звезд». И русский пейзаж словно просвечивает сквозь экзотический, один мир проступает через другой, обостряя чувства и ностальгию:

И вижу, – нет слаще отравы, –
Лесной задымился костер,
Кровавая примятые травы,
И кактусов колкий забор [Булыгин 2009: 239].

Невольно у читателя возникает аналогия с тихим русским лесом, но характерные приметы Африки «выдают» иное пространство.

Мотив воспоминаний – один из самых частых в лирике Булыгина: в стихотворении «Русский в Абиссинии» («Рубеж», № 32, 1935 г.) почта (точнее, раб, который ее приносит раз в месяц) связывает Россию, такую далекую, и мир Пустыни⁶. Повторяя для себя путь Гумилева, как будто погружаясь в африканские строки поэта, Булыгин пытается привыкнуть к местным реалиям: «Кормя ручного леопарда, – / Я с ним по-русски говорю» [Булыгин 2009: 239]. Но память услужливо напоминает о прежней жизни и не дает внутреннего покоя и счастья: «Храню погоны и кокарду / От службы Русскому Царю... // И вспоминаю Гумилева...» [Булыгин 2009: 239].

Контраст двух миров отчетливо виден в стихотворении «На Страстной» («Рубеж», № 19, 1936 г.), которое можно было бы назвать «Абиссинский сон»: «Я забыл в своей беленькой хате / Абиссинского солнца неволю» [Булыгин 1936: 4]. Поэту снится Арбат и дорога к Девичьему Полю. И африканский мир отступает, уходит в небытие перед прошлой, такой яркой и счастливой жизнью:

Над проржавленной красною крышей
Ярко-синие луковки храма.
В палисадниках слова не слышно
От веселого птичьего гама.

Разгуделась Страстная Неделя...
И гудит, и гудит непрестанно...
В голубую прозрачность Апреля
Я, как в юность далекую, канул...

[Булыгин 1936: 4]

Вынужденная эмиграция отзывается весенней Страстной неделей, кануном Пасхи. Потерявший родину поэт остается наедине со своими воспоминаниями, и солнечная Африка, спасая его, тем не менее навсегда остается для Булыгина всего лишь вторым миром.

Абиссиния Булыгина открывает нам не просто мир, который хочется покорить, в котором хочется проявить свое мужское начало, в котором звери прекрасны и опасны, притягательны и устрашающи. Поэт открывает для себя новую Вселенную: она чарующа и бесконечна, словно воронка, втя-

гивает в себя иноземца, подчиняет своим законам и растворяет в себе. Пустыня, по описаниям Булыгина, – это неизведанная планета, ставшая для путника прибежищем и подарившая ему новую форму жизни. Эмигрант, покинувший Россию, не сумевший спасти императора и вынужденный бежать из родной страны, обретает новый дом – одновременно непонятный и непостижимый, но поэтический, живописный и неожиданно уютный. Погружение в африканский топос, согретый для Булыгина поэзией и путешествиями Гумилева, помогает поэту спастись от одиночества, тоски и ностальгии. Любовь к родине остается в сердце, но новый мир дает силы жить и творить дальше.

Примечание

¹ См.: «Введение» Т.С. Максимовой к книге стихотворений Булыгина «Пыль чужих дорог» [Булыгин: 4–22; Куликова 2017: 146–164].

² Цитируется здесь и далее в современной орфографии.

³ См. об этом подробнее: [Куликова 2010: 76–83].

⁴ Тексты Булыгина о человеке-гиене перекликаются с новеллами Гумилева «Черный Дик» (1908), стихотворениями «Гиена» (1907) и «Ужас» (1907) – произведениями, в которых явно описан мотив «оборотничества» – превращения человека в зверя. Подробнее об этом см.: [Куликова 2017: 146–164].

⁵ Описанный мною в: [Куликова 2017: 146–164].

⁶ В некоторых стихотворениях Булыгин пишет слово «Пустыня» с прописной буквы, подчеркивая ее власть над африканским континентом.

Список литературы

- Булыгин П. На Страстной // Рубеж. Харбин. 1936. № 15. С. 4.
- Булыгин П. Пыль чужих дорог: собрание стихотворений. М.: ACADEMIA, 2009. 480 с.
- Булыгин П. Стихи об Абиссинии (из цикла «Чужие звезды») // Рубеж. Харбин. 1936. № 19 (432). С. 6.
- Булыгин П. Страницы ушедшего: рассказы. М.: Изд-во ACADEMIA, 2010. 108 с.
- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.
- Дмитриев И.Е. Эмигрантский журнал «Рубеж» как источник по антропологии моды русского зарубежья 1930–1940-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 102–112.
- Кауфман Е.С. К 10-летию издания журнала // Рубеж. Харбин. 1938. № 13. С. 1–2.
- Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербачев, Е.Е. Яшнов). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. 276 с.
- Куликова Е.Ю. Африканские «картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 76–83.

Куликова Е.Ю. О магистральных и маргинальных путях русской поэзии: «Чужие звезды» Николая Гумилева и Павла Булыгина // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 146–164.

Пильский П. Янтари. Новая книга: Павел Булыгин. Стихотворения. Изд-во Дидковского. Рига. 1937 // Сегодня. 1937. 15 июня. № 162. С. 8.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. М.: Издательский Центр, Классика, 2002. Т. 1. 528 с.

Чернов О. История журнала «Рубеж». Харбин, 1926–45 гг. URL: https://web.archive.org/web/20111026210644/http://antiq-books.com/dlya_antikvara/almanah-rubez-harbin/ (дата обращения: 25.01.2021).

Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассмотрений. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.

References

Bulygin P. *Na Strastnoi* [On Holy Week]. *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1936, № 15, p. 4. (In Russ.)

Bulygin P. *Pyl' chuzhikh dorog: sobranie stikhotvoreniĭ* [Dust of others roads: collection of poems]. Moscow, 2009, 480 p. (In Russ.)

Bulygin P. *Stikhi ob Abissinii (iz tsikla «Chuzhie zvezdy»)* [Poems about Abyssinia (from the cycle “Alien Stars”)]. *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1936, № 19 (432), p. 6. (In Russ.)

Bulygin P. *Stranitsy ushedshego: rasskazy* [Pages of left: stories]. Moscow, 2010, 108 p. (In Russ.)

Gumilev N.S. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. Leningrad, 1988, 632 p. (In Russ.)

Dmitriev I.E. *Emigrantskii zhurnal «Rubezh» kak istochnik po antropologii mody russkogo zarubezh'ia 1930-1940-ch gg.* [The emigrant magazine “Rubezh” as a source on the anthropology of fashion in the Russian diaspora in the 1930-1940s.] *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* [Historical journal: scientific research]. 2019, № 5, pp. 102–112. (In Russ.)

Kaufman E.S. *K 10-letiiu izdaniia zhurnala* [To the 10th anniversary of the publication of the magazine] *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1938, № 13, pp. 1–2. (In Russ.)

Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ia Dal'nego Vostoka*

(B.M. Iul'skii, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Iashnov) [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian diaspora of the Far East (B.M. Yul'sky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok, Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)

Kulikova E.Iu. *Afrikanskie «kartinki iz knizhki starinnoi» N. Gumileva* [African “pictures from an old book” of N. Gumilyov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2010, № 4, pp. 76–83. (In Russ.)

Kulikova E.Iu. *O magistral'nykh i marginal'nykh putiakh russkoi poezii: «Chuzhie zvezdy» Nikolaia Gumileva i Pavla Bulygina* [On the main and marginal paths of Russian poetry: “Foreign stars” by Nikolai Gumilyov and Pavel Bulygin]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 2017, № 2, pp. 146–164. (In Russ.)

Pil'skii P. *Iantari. Novaia kniga: Pavel Bulygin. Stikhotvoreniia. Izd-vo Didkovskogo. Riga. 1937* [Ambers. New book: Pavel Bulygin. Poems. Didkovsky's publishing house. Riga. 1937]. *Segodnya*, 1937 (June 15), № 162, p. 8. (In Russ.)

Tiutchev F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6-ti t.* [Full composition of writings. Letters: in 6 vols.]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr Publ., Klassika Publ., 2002, vol. 1, 528 p. (In Russ.)

Chernov O. *Istoriia zhurnala «Rubezh».* Kharbin. 1926–45 gg. [History of the “Rubezh” magazine. Harbin. 1926-45]. URL: https://web.archive.org/web/20111026210644/http://antiq-books.com/dlya_antikvara/almanah-rubez-harbin/ (access date: 25.01.2021). (In Russ.)

Chumakov Iu.N. *Pushkin. Tiutchev. Opyt immanentnykh rassmotrenii* [Pushkin. Tyutchev. Experience of immanent considerations]. Moscow, 2008, 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 30.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.